

Содержание

Предисловие научного редактора	9
Благодарности	38
Предисловие к переизданию	40
Глава 1. Введение	46
Глава 2. Общие черты восприятия: чувства	51
Зрение	52
Руки и осязание	54
Слух	55
Обоняние	57
Восприятие посредством всех органов чувств	58
Восприятие и деятельность	60
Глава 3. Общие психологические структуры и реакции	62
Рационализация	62
Масштаб человеческого восприятия	64
Сегментация	64
Бинарные оппозиции	66
Разрешение противоречий	67
Природные элементы и космологические модели	70
Гармоничное целое, бинарные оппозиции, космологические модели	73
Символы и космологические модели	77
Психология цвета и символизм	78
Пространственная психология и символизм	83
Глава 4. Этноцентризм, симметрия и пространство	88
Этноцентризм	89
Этноцентризм и космические схемы бесписьменных народов	91
Китайский этноцентризм	97

Древнегреческие карты	100
Т-О-карты	102
Европоцентризм	103
Центр материкового полушария	105
Исключения	107
Глава 5. Мир личности: индивидуальные различия и предпочтения	109
Физиологическая индивидуальность	110
Темперамент, талант и отношение к миру	111
Пол	121
Возраст	123
Глава 6. Культура, опыт и отношение к окружающей среде	130
Культура и восприятие	130
Половые роли и восприятие	133
Приезжий и местный житель	136
Исследователи и поселенцы на первопроходческой периферии	140
Индейцы и англо-американцы в Нью-Мексико	143
Как менялось отношение к окружающей среде: горы	146
Глава 7. Окружающая среда, восприятие и мировоззрение	154
Окружающая среда и восприятие	154
Острота восприятия и проблемы суровых сред	157
Окружающая среда и мировоззрение	160
Речные долины, космология и архитектура	169
Глава 8. Топофилия и окружающая среда	181
Топофилия	182
Эстетическое восприятие	183
Физический контакт	187
Здоровье и топофилия	191
Знакомость и привязанность	193
Патриотизм	195
Урбанизация и отношение к сельской местности	198
Нетронутая (дикая) природа	209

Глава 9. Среда и топофилия	214
Окружающая среда и Элизиум	214
Среды постоянного притяжения	215
Среда и топофилия в Древней Греции	226
Пейзаж и пейзажная живопись в Европе	228
Среда и топофилия в Китае	236
Глава 10. От космоса к ландшафту	241
Многоярусный космос	242
Природа, ландшафт и пейзаж	245
Осевая трансформация европейской картины мира	249
В сравнении с Китаем	254
Архитектура и ландшафтный парк: стремление к простору и визуальным удовольствиям	255
Символизм и сакральность: реакции домодерных обществ	260
Циклическое время и линейное время	270
Глава 11. Идеальный город и символы трансцендентного	273
Возникновение идеального города	274
Символы космоса и городские формы	277
Архитектурные символы трансцендентного	300
Бразилиа — современный идеальный город	303
Глава 12. Материальная среда и городской стиль жизни	307
Окружающая среда и стиль жизни	307
Чанъань и Ханчжоу	311
Афины и Рим	315
Средневековый город	322
Уличные сцены георгианской и викторианской эпохи	326
Лос-Анджелес: автомобильный город	331
Глава 13. Американские города: символы, образы, восприятие	335
Символы и метафоры	336
Конкретные городские символы	343
Бустерское воображение — прозвища городов	350
Вообразимость	355

Образ, опыт и класс	359
Городской соседский район	364
Взгляд снизу	378
Подводя итоги	386
Глава 14. Пригороды и новые города:	
в поисках идеальной среды	388
Пригород: «за городской стеной»	389
Пригород: реакция на город	393
Рост пригородов	396
Внешний вид пригородов и его изменения	402
Пригородные ценности и идеалы	406
Образцовые деревни и новые города	414
Глава 15. Выводы и заключение	420

Предисловие научного редактора

Из Тяньцзиня в Нью-Мексико: формативные годы. И-Фу Туан родился в декабре 1930 года в Тяньцзине, на севере Китая. В автобиографии он вспоминал, что няня, желая позабавить его, замораживала воду в пепельнице, выставляя ее за окно¹. За три года до этого Китай был объединен под властью партии Гоминьдан. Когда И-Фу было пять лет, его отец Мао-Лан Туан, получивший образование в Америке и выучивший множество языков, включая русский, поступил на службу в гоминьдановское Министерство иностранных дел. Детство И-Фу пришлось на годы, связанные с японской агрессией и началом Второй мировой войны, отрочество — на период деколонизации крупнейших стран Азии. Семья, в которой было четверо детей, следовала за отцом-дипломатом: в 1933 году в Нанкин, столицу гоминьдановского Китая, летом страшного 1938 года — из оккупированного японцами Нанкина в Чунцин, бедную столицу военного времени, в 1941 году — в Канберру, в 1942 году — в Сидней, в 1945 году — в Манилу. До какого-то момента ребенок ощущал себя непосредственным участником важнейших исторических событий. В 1940 году, когда живший в Чунцине девятилетний И-Фу лакомился кусочками арбуза и услышал, что англичане под давлением японцев перекрывают Бирманскую дорогу — главный маршрут, который связывал отрезанный от моря Китай с внешним миром, — угощение потеряло вкус². В 1946 году отца перевели в Лондон, и когда семья, оставив только что получившие независимость Филиппины, совершала перелет с остановками в Калькутте, Карачи и Каире, самолет был вынужден из-за проблем с двигателем сесть на Мальте. Решение об этой

¹ *Tuan Y.-F. Who Am I? An Autobiography of Emotion, Mind, And Spirit. Madison: The University of Wisconsin Press, 1999. P. 52.*

² *Ibid. P. 12.*

посадке принимали не кто иные, как летевшие в том же самолете, чтобы объявить в Лондоне о независимости Индии, вице-король колоний лорд Уэйвелл и будущий первый премьер-министр страны Джавахарлал Неру, однако в тот момент на «невежественного», как он не без характерной иронии выражался годы спустя, пятнадцатилетнего подростка все это, как и сама Мальта с ее великолепной историей, не произвело особого впечатления¹. Позже, однако, И-Фу сполна оценил исключительность опыта, который пережил в свои формативные годы. Тяготы катастрофического военного детства, возможность наблюдать в качестве зрителя, как принимаются судьбоносные политические решения, и открывавшие разнообразие мира бесконечные переезды стали первыми впечатлениями, которые заложили основу гуманистического мировоззрения будущего знаменитого географа.

И-Фу Туан решил стать географом в том же году, когда ему было пятнадцать и он учился в американской католической школе в Маниле². Несколько лет спустя, в 1948 году, вероятно, не без влияния отца—новую китайскую государственность делали люди с европейским образованием и глобальным мышлением—и уж точно благодаря его связям, Туан, начавший свое высшее образование в Университетском колледже Лондона, поступил в Оксфорд. Это, однако, были не те порочные «связи», которые открывают двери перед иными представителями золотой молодежи, но проявление китайского «гуаньси», а это слово лучше переводить на русский уважительно, как «социальный капитал». И-Фу был образованным юношей и успешно прошел все вступительные испытания, за исключением культурно-специфичного для Европы экзамена на знание классического языка, то есть латыни или греческого, который, как мы знаем и из российской истории, был эффективной преградой, встававшей на пути субалтернов, стремившихся к высшему образованию. Будучи китайцем, И-Фу не учил этих языков, однако влияние

¹ *Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 26–27.*

² *Ibid. P. 37, 93.*

знакомых отца помогло изменить процедуру. Впоследствии Туан назвал эту увенчавшуюся победой дипломатическую операцию «битвой за престиж китайской цивилизации». В тот день, когда его будущие сокурсники переводили «Энеиду» или «Одиссею», И-Фу Туан читал перед приемной комиссией древнекитайские «Беседы и суждения» Конфуция¹.

Хотя И-Фу с самого начала собирался специализироваться на том, что в нашей стране принято называть общественной географией, а на Западе — human geography (географией человека), курсы, читавшиеся в Оксфорде, показались ему неинтересными. Поэтому он начал заниматься геоморфологией — наукой о формах земного рельефа². Тем не менее он всегда с особой теплотой вспоминал атмосферу послевоенного Оксфорда, полного горячих юных мыслителей, по ночам обсуждавших смысл жизни, экзистенциализм и религию. Эти темы оказались очень важны для Туана впоследствии, став еще одним источником его географического вдохновения³. Прочитав статью калифорнийского геоморфолога Джона Кессели (1895–1980), Туан решил поехать учиться у него и поступил в аспирантуру в Беркли. В 1951 году, сев в Нью-Йорке на поезд, он пересек Соединенные Штаты и из окна комфортабельного вагона впервые увидел ландшафт американского Запада, который стал любовью всей его жизни⁴. Кульминацией восхищения этим ландшафтом стало описанное в начале «Топофилии» утреннее пробуждение начинающего полевика в Долине Смерти. Это произошло во время зимних каникул 1952 года⁵. Он не раз упоминал в своих текстах и выступлениях калифорнийский свет этого утра.

Хотя первая встреча с Кессели несколько обескуражила книжного молодого человека, под суровой внешностью научного

¹ Ibid. P. 27.

² Tuan Y.-F. A Life of Learning. Charles Homer Haskins Lecture for 1998. New York: American Council of Learned Societies, 1998. P. 4.

³ Ibid. P. 4, 6; Tuan Y.-F. Cosmos and Hearth: A Cosmopolite's Viewpoint. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 11.

⁴ Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 90; Tuan Y.-F. Cosmos and Hearth... P. 12.

⁵ Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 53.

руководителя скрывалось золотое сердце¹. Работая под руководством Кессели над диссертацией о происхождении предгорных равнин в юго-восточной Аризоне (1957), Туан также посещал семинары Карла Зауэра (1889–1975), основателя влиятельной школы культурной географии, известной как школа Беркли. Зауэр, работавший в Беркли с середины 1920-х годов, развивал исследовательскую программу, в центре которой находилось полевое изучение культурных ландшафтов Северной и Южной Америки как результата взаимодействия природной среды и сменявших друг друга человеческих культур². Этот подход, связывавший созданный переселенцами современный ландшафт сельской Америки с ландшафтами культур, которые ему предшествовали, предполагавший интерес к геоморфологии и антропологии гигантского региона, к исторической географии распространения культурных инноваций, оказался очень интересен американским географам: за три десятилетия Зауэр воспитал множество учеников, многие из которых в свою очередь стали известнейшими географами. Туана, который учился у Зауэра в последние годы перед его выходом на пенсию, обычно не включают в число представителей Берклийской школы, однако он вспоминал годы в Беркли как прекрасное время, открывшее перед ним новые интеллектуальные горизонты³. Не случайно «атмосфера Беркли» упоминается в предисловии к «Топофилии» как один из важнейших ее источников.

Первые годы в Америке были для И-Фу также временем культурного шока. Научный руководитель называл его «англичином с китайским лицом», но, как замечал впоследствии сам Туан, под этой маской не скрывалось никакого англичанина или полноценного представителя другой уважаемой культуры⁴. Столкнувшись с реалиями склонного к четкой социальной и расовой

¹ *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 92.

² *Корандей Ф.С. Введение в историческую географию.* Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. С. 59–61.

³ *Tuan Y.-F. A Life of Learning...* P. 4; *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 92.

⁴ *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 95–96.

стратификации американского общества, молодой ученый, явно не впервые — за его плечами уже была жизнь в Австралии и в Великобритании, — ощущал предвзятое отношение и кризис идентичности. Когда стюард в поезде по пути в Беркли начал рассаживать желающих пообедать за столики, И-Фу увидел, что его игнорируют, но характерно связал это не со своей расой, а с тем, что выглядел бедновато¹. Как позже заметил один из его учеников, жизненной стратегией, которую Туан избрал в этой ситуации, было упорное нежелание признавать себя чужаком². Опорой в этом для него было ощущение принадлежности к великой китайской цивилизации, о чем он, уже будучи пожилым человеком, говорил не без доброй иронии³. Во время его первого и, как оказалось, последнего возвращения в материковый Китай, которое произошло в 2005 году, одна из студенток спросила его, как он справляется с расовыми предрассудками. Он ответил, что редко сталкивался с этим напрямую, а даже если сталкивался, то не распознавал этого отношения, ощущая себя «наследником славной цивилизации»⁴. Тем не менее он не собирался запирается в самовозведенном этнонациональном гетто. «Я бы мог написать диссертацию о Чайнатауне, — писал он впоследствии, — и это было бы весьма разумной темой для китайского географа, поселившегося в районе залива Сан-Франциско. Однако вместо этого я решил изучать рельеф аризонской пустыни»⁵. Трудности освоения другой культуры, с которыми он сталкивался, стимулировали его интерес к новому и утверждали его в космополитических взглядах и представлениях об универсальности человеческой природы, которые были характерны для большинства его работ зрелого периода.

¹ Ibid. P. 90, 93.

² Adams P. C. Yi-Fu Tuan, 1930 // *Key Thinkers on the Environment* / Ed. by J. A. Palmer, D. E. Cooper. London, New York: Routledge, 2018. P. 279.

³ Tuan Y.-F. *Who Am I?*... P. 15.

⁴ Tuan Y.-F. *Coming Home to China*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. P. 122.

⁵ Tuan Y.-F. *Cosmos and Hearth*... P. 12.

В аспирантские годы, не имея больших денег, а также желая увидеть вблизи те стороны американского общества, которых не мог видеть в кампусе, И-Фу полюбил междугородные автобусы, знаменитые «Грейхаунды»¹. На вопрос, когда он впервые почувствовал, что Америка — это его дом, он отвечал с необыкновенной точностью, демонстрируя уже знакомый читателю «прустовский» прием, соединяющий воспоминания с деталями, запахами и вкусами: в 1955 году, около шести часов утра, зайдя в придорожную закусочную на одной из остановок «Грейхаунда» где-то в Южной Калифорнии². Действительно, вся его дальнейшая карьера была карьерой американского профессора.

Годы после защиты диссертации были временем экспериментов. В 1956 году Туан получил первую должность в Блумингтоне, и это было место, где социальные разделения, присущие Америке той поры, были обозначены предельно четко: его окружали одни белые и по преимуществу мужчины³. В 1958 году он получил временную исследовательскую позицию в Чикагском университете, где попытался учиться статистике в окружении математических гениев и ощутил, что не имеет к этому таланта⁴. Лето 1959 года, благодаря гранту Управления военно-морских исследований, тайваньскому паспорту, который не давал особых возможностей для путешествия (Китайская Республика была признана немногими государствами), и «гуаньси» отца, который тогда работал в Южной Америке, провел, исследуя рельеф побережья Панамы, удушающие джунгли которой ему совсем не понравились⁵.

Местом, где Туан, кажется, нашел себя, был университет штата Нью-Мексико в Альбукерке, где он преподавал с 1959 по 1965 год. Здесь, в окружении любимого пустынного ландшафта, не имея

¹ Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 69–70.

² Tuan Y.-F. Dear Colleague: Common and Uncommon Observations. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. P. 61–62.

³ Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 64.

⁴ Ibid. P. 67.

⁵ Ibid. P. 27–28.

серьезных обязательств по публикациям, ему пришлось выполнять роль преподавателя географии широкого профиля (весь факультет состоял из двух географов), что побуждало выйти за рамки узкой специализации. Это была, как говорится, лучшая работа в мире, пустыня дала ему трудолюбие и вдохновение. Туан писал впоследствии о том, что достиг эйнштейновского идеала молодого ученого, нанявшегося смотрителем на отдаленный маяк, чтобы иметь время для размышлений¹. В этот момент он также ощутил себя человеком, который наконец-то ушел с переднего ряда мировой истории в частную жизнь. Карибский кризис 1962 года, несмотря на его потенциально катастрофические последствия, не стал для геоморфолога поводом отложить полевой выезд². Жизнь в Нью-Мексико, однако, не была тотальной изоляцией. Судя по научным текстам Туана, именно в этот период начался процесс его превращения из известного только узкому кругу специалистов геоморфолога в основателя гуманистической географии, одного из важнейших географов своего поколения. Первые шаги на этом пути были связаны с Джоном Бринкерхоффом Джексоном (1909–1996), писателем, эссеистом, преподавателем и путешественником, который жил в Санта-Фе, в часе езды от Альбукерке. Дело всей жизни Джексона было пробуждение интереса американцев к повседневному (вернакулярному, vernacular) ландшафту — типичным формам культурного ландшафта и стоящим за ними историям. В 1951 году Джексон обратил огромную географическую и архитектурную насмотренность, лирический и аналитический дар, неугасающий энтузиазм и собственные средства на выпуск журнала «Ландшафт» (Landscape), который, несмотря на небольшие тиражи, приобрел, что называется, культовый статус. Осенью 1961 года Туан опубликовал в «Ландшафте» свое первое эссе на новую для него тему — оно называлось «Топофилия, или Внезапная встреча с ландшафтом» и обозначало начало пути к прорывной

¹ Tuan Y.-F. A Life of Learning... P. 5; Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М.: Наука, 1967. С. 188.

² Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 12–13.

монографии 1974 года¹. В шестидесятых Туан был постоянным автором «Ландшафта», опубликовав в нем пять статей и шесть рецензий — в них происходил поиск и обсуждение тем, которые в 1970-х годах станут называться «гуманистической географией»².

Из Нью-Мексико в Миннесоту: как была сделана «Топофилия».

На этом месте, кажется, надо сделать масштаб повествования более крупным и поговорить о том, к каким текстам восходит и из каких идей состоит, пожалуй, самая известная книга И-Фу Туана. В шестидесятых, помимо текста «Топофилии», также формировался как таковой проект гуманистической географии, в 1970-х годах объединивший вокруг Туана много замечательных географов, и сам творческий метод этого автора, который продолжал оставаться необыкновенно продуктивным на протяжении десятилетий: 20 из своих 23 книг И-Фу Туан написал во второй половине жизни, то есть после 1976 года. Процесс работы над этими тремя связанными вещами — текстом «Топофилии», основными идеями гуманистической географии и манерой письма — происходил одновременно. Наиболее интересные тексты Туана, составленные в шестидесятых — самом начале семидесятых, были одновременно и эскизами к «Топофилии», и артикуляцией идей, которые, как правило, шли вразрез с интеллектуальным мейнстримом эпохи, и открытием определенных приемов, ставших для него характерными.

«Топофилия» 1961 года. Начать стоит с *топофилии* как таковой. Туан не был изобретателем этого термина. Опубликованное в «Ландшафте» одноименное трехстраничное эссе³ развивало идею, высказанную Туаном в самой первой его заметке на «гуманитарные» темы, опубликованной в год защиты диссертации⁴. Должно

¹ Cresswell T. Steering His Own Ship: Yi-Fu Tuan (1930–2022) // Annals of the American Association of Geographers. 2023. Vol. 113 (3). P. 790–797. Tuan Y.-F. Topophilia: or, Sudden Encounter with the Landscape // Landscape. 1961. Vol. 11. P. 29–32.

² Blankenship J. D. Midcentury Geohumanities: J. B. Jackson and the «Magazine of Human Geography» // GeoHumanities. 2018. Vol. 4. P. 26–44.

³ Tuan Y.-F. Topophilia: or, Sudden Encounter...

⁴ Tuan Y.-F. Use of Simile and Metaphor in Geographical Description // Professional Geographer. 1957. Vol. 9. P. 8–11.

быть, на тот момент он пресытился сухим техническим языком геоморфологии и потому замечал в этом эссе, что географы должны хотя бы иногда уметь описывать землю не менее пронизательно и не менее эффектно, чем художники и поэты. «Топофилия» 1961 года начинается с рассказа о произошедшем в Озерном крае эстетическом озарении поэта Вордсворта (затем этот рассказ появится в начале 8-й главы «Топофилии» 1974 года) и отсылает к книжной новинке того времени — «Поэтике пространства» французского философа-феноменолога Гастона Башляра (1958)¹. Башляр писал в этой книге о не пустом физическом пространстве, но о порожденном человеческим опытом и воображением пространстве поэтических образов. Термином «топофилия» (греч. «любовь к месту») описывались в книге Башляра «образы счастливого пространства» — в первую очередь дома. Как географа, который на тот момент явно испытывал трудности с выразительными средствами, способными помочь ему описать великолепие пустыни, с которой он работал, Туана интересовали не столько любимые Башляром описания психологических состояний, порождаемых материей, сколько способность человека эту материю описывать. В первом своем обращении к топофилии он говорил именно об этом — умении географа составить правильный и пронизательный образ места, которое его очаровало². Неясно, знал ли Туан о том, что еще до Башляра, в 1947 году, термин «топофилия» употребил, предваряя сборник топографических стихов, составленных Джоном Бетчеменом, американский поэт Уистен Хью Оден, между прочим выведивший в этом предисловии фигуру топофила — профессионального знатока и ценителя мест³. Однако Оден упоминается в туановском эссе 1961 года примерно в таком же ироническом контексте, что и в предисловии к книге Бетчемена, утверждая,

¹ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. Н.В. Кисловой, Г.В. Волковой, М.Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 21.

² Tuan Y.-F. Topophilia: or, Sudden Encounter... P. 32.

³ Auden W.H. Introduction // Betjemen J. Slick, but not Streamlined: poems and short pieces. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1947. P. 9–16. P. 11–12; Relf E. Topophilia and Topophils // Placeness, Place, Placelessness. 30.10.2015. URL: <https://www.placeness.com/topophilia-and-topophils/>.

что если бы техасский миллионер нанял его руководителем школы для поэтов, то он обучал бы их не только стихосложению, но и геологии, археологии и кулинарии, то есть наукам, способным обогатить опытное восприятие мира, необходимое для его полноценного восприятия.

«Топофилия» 1961 года была для Туана дебютным опытом эссе — жанра, который со временем стал для него основным. Впоследствии он не раз обозначал основные достоинства этого жанра, разрабатывавшегося как оппозиция научной статье, строящейся на строгих причинно-следственных связях и отличающейся четко сформулированными выводами. В соответствии с его подходом, который он называл *описательным*¹ или «*нарративно-описательным*»², автор, постоянно подбрасывая читателю относящиеся к теме факты, подводил его к тому, чтобы тот сам сделал позволяющие взглянуть на мир по-новому выводы, которые тем не менее не формулировались в тексте явно. Туан, писал Пол Адамс, не предлагает вам четких интерпретаций, но переводит от цитаты к цитате, как по камням в ручье³. В этом смысле он исходил из диалогического характера эссе, позиционируя свои книги как реплики, в ответ на которые идеальный читатель должен был писать свои⁴. Эссе стали несущей конструкцией характерного для Туана стиля, соединяющего эрудицию и доступность, лишенного как случайной, так и намеренной сложности.

«Пустыня и море с гуманистической точки зрения» (1963). В 1963 году, примерно в середине периода своей жизни в Нью-Мексико, Туан впервые называет свой подход «гуманистическим» (humanistic)⁵. Слово это обладает двойной семантикой, восходящей

¹ Tuan Y.-F. Dominance and Affection: The Making of Pets. New Haven, 1984. P. ix.

² Tuan Y.-F. Language and the Making of Place: A Narrative Descriptive Approach // Annals of the Association of American Geographers. 1991. Vol. 81 (4). P. 684–696.

³ Adams P. C. Tuanian Geography // Place, Space, and Hermeneutics / Ed. by B. B. Janz. Cham: Springer, 2017. P. 280.

⁴ Tuan Y.-F. Morality and Imagination: Paradoxes of Progress. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. P. ix–x.

⁵ Tuan Y.-F. The Desert and the Sea: A Humanistic Interpretation // New Mexico Quarterly. 1963. P. 329–331.

к латинскому *humanitas*, означавшему и «человечность» в высоком смысле, и «образованность, культурность» в более конкретном, бытовом контексте. В русском, кажется, эти значения разводятся: «гуманный» и «гуманитарный» у нас разные слова, не говоря уже про слово «гуманистический», которое вообще отсылает к конкретно-историческим реалиям Ренессанса. Почему Туан назвал свой подход к географии *humanistic*, а не *human* (слово с той же, хотя и несколько более широкой семантикой)? В 1972 году, давая интервью Джону Фрезеру Харту для иницированного Американской географической ассоциацией проекта «Географы на киноплёнке», он сказал, что эпитет *human* уже был занят¹. По-русски, кажется, уже сложилась традиция переводить американскую *humanistic geography* 1970-х годов словосочетанием «гуманистическая география». Отметим, что это в целом правильный перевод, передающий вышеупомянутую двойную семантику, — как географ, Туан выступал за исследование человеческой природы посредством обращения к гуманитарным областям знания, литературе, истории, философии, которые наш герой любил с детства.

Когда И-Фу Туан учился в Беркли, его навещил двоюродный брат, профессор математики из Вашингтонского университета, увидел на его столе книгу Робина Коллингвуда «Идея истории» и каких-то экзистенциалистов, усмехнулся и сказал: ты это перерастешь! «Я этого так и не сделал, — писал Туан впоследствии, — не смог избавиться от метафизических детских вопросов»². За этим мимолетным воспоминанием скрыт контекст 1950–1960-х годов. В те времена коллеги Туана стремились сделать географию настоящей наукой, вводя в оборот количественные методы, математические модели и пространственный анализ. Это был дух эпохи, который успешно преодолевал даже «железный занавес»: труды свежее испеченных классиков «количественной революции» очень быстро переводились на русский, см. книги Уолтера Изарда (1960)³,

¹ Cresswell T. *Steering His Own Ship...* P. 792.

² Tuan Y.-F. *A Life of Learning...* P. 4; Tuan Y.-F. *Coming Home to China...* P. 66.

³ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / Пер. с англ. В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М.: Прогресс, 1966.

Уильяма Бунге (1962)¹, Питера Хаггета (1965)² и Дэвида Харви (1969)³. Туан, который, как становится ясно из его воспоминаний об обучении статистике в Чикаго, не особенно комфортно чувствовал себя в такого рода географии и противопоставил социенистскому идеалу эпохи образ географа-гуманитария. Неспроста первым эпиграфом, открывающим «Топофилию», была цитата Джона Киртланда Райта (1891–1969), историка географии, в 1940-х годах занимавшего пост председателя Американского географического общества и известного российскому читателю по книге о географии времен крестовых походов⁴. «Гуманистический» проект Туана продолжал именно эту гуманитарную линию в американской географии⁵. В тексте «Топофилии», впрочем, выражения «гуманистическая география» вы еще не найдете. Впервые она специально обсуждается в статье 1976 года, утверждающей, что цель этой науки — интерпретация человеческого опыта во всей его сложности⁶. Отсюда характерный для Туана интерес к гуманитарным академическим умениям — анализу текста и пониманию общекультурного контекста⁷, а также литературному мастерству. Все это сделало его хорошим писателем — рецензенты книг Туана любят его стиль. Туан привлек к географическим текстам широкого читателя⁸. Однако, в отличие

¹ Бунге В. Теоретическая география / Пер. с англ. В. Я. Барласа, В. Б. Кузнецова, Ю. В. Медведкова. М.: Прогресс, 1967.

² Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии / Пер. с англ. Ю. Г. Липеца и С. Н. Тагера. М.: Прогресс, 1968.

³ Харвей Д. Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии / Сокр. пер. с англ. В. Я. Барласа и В. В. Голосова. М.: Прогресс, 1974.

⁴ Райт Дж. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Пер. с англ. М. А. Кабанова. М.: Наука, 1988.

⁵ Adams P. C. Tuanian Geography... P. 277.

⁶ Tuan Y.-F. Humanistic Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66 (2). P. 266–276.

⁷ Tuan Y.-F. Environmental Attitudes // Science Studies. 1971. Vol. 1 (2). P. 216.

⁸ Schlemper M. B. et al. Yi-Fu Tuan Legacy: Impacts on the Geographical Review, Disciplines, Scholarship, and Teaching // Geographical Review. 2023. Vol. 113 (3). P. 300.

от науки, говорящей на формализованном языке, освоение которого не составляет трудностей, «гуманистическая география» укоренена в языках обычных, с которыми все сложнее: в конце жизни, приехав в Китай, Туан обнаружил, что его знания языка не хватает, чтобы вести интеллектуальные беседы, и переживал по этому поводу¹.

Маленькое эссе 1963 года, которое называется «Пустыня и море с гуманистической точки зрения»², открывается отсылкой к научно-фантастическому рассказу Артура Кларка «Доклад о третьей планете» (1959), в котором выводится марсианский астроном, доказывающий, что жизнь на Земле невозможна, потому что в атмосфере слишком много кислорода и большая часть поверхности покрыта водой. Дальше Туан описывает изумление, испытанное, когда он распаковал перед студентами присланную из Швеции новую карту населения мира и обнаружил, насколько мала населенная человеком территория. В момент, когда текст достигает смысловой кульминации, перед читателем возникают любимая Туаном пустыня и бескрайнее соленое море — ландшафты, в которых воплощается изумление человека перед незаселенными просторами, пугающими, когда нам нужно выживать, и вызывающими восхищение, когда мы не беспокоимся об этом. И в том и в другом случае мы видим мир через призму своих потребностей: в первом случае — непосредственных, заставляющих преобразовывать природу во что-то полезное, во втором — потому что желаем подтверждения, что где-то еще существует реальность, которая от нас не зависит (мысль Карла Зауэра³). В этом маленьком тексте скрыты несколько тем, которые станут основополагающими для «Топофилии»: нечеловеческое очарование земных сред, в которых нашему виду невозможно выжить, и человеческая способность воспринимать эти среды не непосредственно, но через призму собственных представлений.

¹ Tuan Y.-F. *Coming Home to China*... P. 52.

² Tuan Y.-F. *The Desert and the Sea*...

³ Tuan Y.-F. *Morality and Imagination*... P. 88.

«Климат Нью-Мексико» (1964) и окружающая среда. Шестидесятые были также временем роста экологического движения. В Америке почти каждый год выходили бестселлеры, поднимавшие одну из актуальных экологических проблем. Рейчел Карсон¹ писала об отравлении окружающей среды пестицидами, Питер Блейк² — о хаотическом разрастании городов, Ральф Нейдер³ — об опасности американского автомобиля, а Пол Эрлих⁴ — о неконтролируемом росте населения. В середине шестидесятых Туан тоже начинает размышлять об этом, развивая критический по отношению к экологическому движению мотив будущей «Топофилии». В этом смысле важна прежде всего его совместная с Сирилом Эверардом статья, посвященная климату Нью-Мексико⁵. Она могла бы быть обычным очерком климата территории, построенным на современных метеорологических наблюдениях, если бы не историко-географическое введение, ставшее впоследствии двумя разделами шестой главы «Топофилии». В нем рассказывалось, что разные поколения колонистов, в разное время исследовавшие территорию будущего штата, воспринимали его природные условия по-разному, в зависимости от того, откуда приехали. Первые колонисты, испанцы и мексиканцы XVI–XVIII веков, происходившие с юга, считали территорию суровой и холодной и, имея привычку жить в пустынных ландшафтах, не замечали ее пустынности; для англо-американцев XIX века, приезжавших с влажного востока, Нью-Мексико, напротив, был прежде всего бесплодной пустыней — чтобы признать, что его сухой солнечный климат может быть полезен для здоровья, им понадобилось немало времени. Люди, происходящие из разных сред (environment), видят

¹ Carson R. *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1962.

² Blake P. *God's Own Junkyard: The Planned Deterioration of America's Landscape*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964.

³ Nader R. *Unsafe at Any Speed: The Designed-In Dangers of the American Automobile*. New York: Grossman Publishers, 1965.

⁴ Ehrlich P. *The Population Bomb*. [San Francisco]: The Sierra Club, 1969.

⁵ Tuan Y.-F. Everard C. *New Mexico's Climate: The Appreciation of a Resource* // *Natural Resources Journal*. 1964. Vol. 4. P. 268–308.

мир по-разному и по-разному оценивают его ресурсы, заключали авторы¹. Туану, кажется, поначалу не нравилось наукообразное слово *environment*, обладающее в английском языке двойной семантикой, с которой не очень просто справиться при переводе на русский. Это не только «окружающая среда», что придает любому переводу естественно-научный оттенок, но и звучащее менее научно «окружение», «среда» как таковая. Не лучше ли гуманистическому географу использовать слово «мир» (*world*), замечал он², но, однако, смирился и в более поздних текстах, как правило, говорил о среде.

Слово «среда» придает моим опытам географический колорит и отсылает к науке, в которой я сформировался. «Среда» означает «то, что нас окружает». Это широкое и расплывчатое понятие, которое соответствует моим целям. Я включаю в это понятие не только природу (климата, топографии, растений и животных), но и то, что создано человеком, а также других людей³.

Вместе с тем Туан всегда был критически настроен по поводу безоглядной «любви к природе», которая с шестидесятых годов стала единственным устойчивым моральным императивом быстро менявшегося общества⁴. Высказывания по этому поводу — характерный пример туановских общих мест, порожденных однажды в одном тексте и переходящих в качестве приема убеждения читателя в другие. Нужно понимать, что эпоха была доинтернетная, и все они восходят к скрупулезно составленным записным книжкам, которые, разумеется, использовались не однажды. Встречать однажды уже прочитанные туановские топосы в других текстах — особое удовольствие. Зная, насколько прекрасна

¹ *Tuan Y.-F., Everard C. New Mexico's Climate: The Appreciation of a Resource // Natural Resources Journal. 1964. Vol. 4. P. 306.*

² *Tuan Y.-F. «Environment» and «World» // Professional Geographer. 1965. Vol. 17. P. 6–8.*

³ *Tuan Y.-F. Dominance and Affection... P. ix.*

⁴ *Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 52.*

губительная для человека среда пустыни¹, он тем не менее постоянно говорил о том, что человеку нельзя утопически «вернуться к природе» путем отказа от своего места в биосфере. Лучше всего раскрывает эту тему «авиационный» пассаж в приведенном в нашей книге предисловии к переизданию «Топофилии» 1990 года: любясь ослепительными облаками за окном авиалайнера, нужно понимать, что наша жизнь невозможна за пределами его салона². В книжке, составленной из любопытных и остроумных выписок, которыми он любил делиться с коллегами и студентами, мы находим целый раздел, посвященный аморальной беспощадности природы: макаки и лебеди топят врагов в реке, кролики и крольчата избивают друг друга до беспамятства и т. д.³. Это все тот же тезис, что и выше: мы видим мир через призму уже сложившихся у нас представлений и наделяем моральным совершенством то, что могло бы нас убить.

Как гуманный, он особенно часто высказывался по поводу «идеализации» ландшафтов прошлого. Виды Англии накануне промышленной революции были очаровательны, но на перекрестках стояли виселицы⁴. Каких демонов и призраков мы притащим в мир обратно, если в ностальгическом порыве вернем природе «сакральность»?⁵ Представим себе университетский город Мэдисон в начале XIX века, и нам не захочется в него возвращаться⁶. Видеть красоту старинного Парижа и не помнить, от какой грязи его избавил Осман, — безответственный романтизм⁷. Глаза на улицу? Это, конечно, хорошо, но «присматривать» — палка о двух концах, не только забота, но и праздное любопытство. По словам

¹ Tuan Y.-F. *A Life of Learning*... P. 5; Tuan Y.-F. *Dear Colleague*... P. 12, 14.

² См. также Tuan Y.-F. *Dear Colleague*... P. 26.

³ Tuan Y.-F. *Dear Colleague*... P. 7–8.

⁴ Tuan Y.-F. *Who Am I?*... P. 8; Tuan Y.-F. *Landscapes of Fear*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. P. vii–viii.

⁵ Tuan Y.-F. *Landscapes of Fear*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. P. 211.

⁶ Tuan Y.-F. *Dear Colleague*... P. 132–133.

⁷ Tuan Y.-F. *Morality and Imagination*... P. 102.

социолога Ирвинга Гофмана (который проводил полевую работу на Шетландских островах, и ему там не понравилось), жители коттеджей, все бывалые моряки, используют подзорные трубы, чтобы следить за своими соседями¹.

«Отношение к среде» (1967), культура и универсалии. В 1966 году, когда Туан, кажется, опубликовал свою последнюю статью по геоморфологии, он на два года отправился работать в Торонто, где опубликовал свою первую монографию «Круговорот воды в природе и Мудрость Божия»², развивавшую вопрос о том, как наши представления влияют на восприятие среды. По мысли Туана, фундаментальная для современного естествознания концепция круговорота воды была христианской по происхождению и началась с попыток теологов раннего Нового времени ответить на вопрос, как всеблагий Господь мог допустить создание столь несовершенной земной поверхности. Тезис о представлениях, которые определяют восприятие среды человеком, поднимал вопрос, который был весьма важен для интеллектуального контекста шестидесятых—ранних семидесятых. Это было время, когда в американской антропологии на фоне культурного релятивизма в духе Маргарет Мид развивалась интерпретативная теория Клиффорда Гирца. Релятивисты исходили из того, что различия в поведении людей объясняются не биологическими, а историческими путями развития разных обществ, и потому универсальных ценностей быть не может³. Гирц утверждал, что именно наличие культуры как набора символических средств для контролирования поведения, а не какие-то кросскультурные универсалии, является общей чертой человечества⁴. Туана тоже занимали эти вопросы—прежде

¹ *Tuan Y.-F. Dear Colleague...* P. 78.

² *Tuan Y.-F. The Hydrologic Cycle and the Wisdom of God.* Toronto: University of Toronto Press, 1968.

³ *Herskovits M. J. Cultural relativism; perspectives in cultural pluralism* / Ed. by F. Herskovits. New York: Random House, 1972; *Mead M. Review: Herskovits M. J. Cultural relativism; perspectives in cultural pluralism.* New York: Random House, 1972 // *American Journal of Sociology.* 1974. Vol. 79 (5). P. 1326.

⁴ *Гирц К. Интерпретация культур* / Пер. с англ. О.В. Барсукова, А.А. Борзунова, Г.М. Дашевского и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 65–66.

всего вопрос о культуре как детерминанте человеческого восприятия среды. Термин «культурная позиция» (*cultural attitude*), или, позже, просто «позиция» (*attitude*), который в переводе «Топофилии» мы, в зависимости от контекста, передаем словами «отношение», «мировоззрение» или «представление», впервые появляется у Туана в статье о климате Нью-Мексико¹, термин «значение» (*value*) — в нашем переводе «смысл» или «ценности» — становится обычным в начале 1970-х годов².

Туан, в отличие от антропологов, не ставил в центр своего внимания культуру. Его отношение к вопросу восприятия среды, который исследовался в «Топофилии», определялось комплексом философских идей, центральную роль в котором играли экзистенциализм и феноменология. Среди повлиявших на него экзистенциалистов Туан упоминал Айрис Мёрдок, Симону Вейль, Людвиг Витгенштейна, Мартина Хайдеггера, Жана-Поля Сартра, Рейнхольда Нибура, Пауля Тиллиха и Габриэля Марселя³, среди феноменологов — Мориса Мерло-Понти⁴.

Несмотря на то что Туан крайне редко ссылался в своих работах на философию⁵, не упоминал феноменологию в «Топофилии»⁶ и, по его собственным словам, испытывал к чистой философии такое же подозрение, как и к приземленной географии⁷ в основе

¹ *Tuan Y.-F. Everard C. New Mexico's Climate: The Appreciation of a Resource // Natural Resources Journal. 1964. Vol. 4. P. 268–308.*

² *Tuan Y.-F. Environmental Attitudes...*

³ *Tuan Y.-F. Morality and Imagination... P. viii; Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F. Tuan, Y.-F. 1974: Topophilia. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall (Classics in human geography revisited) // Progress in Human Geography. 1994. Vol. 18 (3). P. 358.*

⁴ *Adams P.C. Tuanian Geography... P. 279; Li Xi. The Philosophical Perspective of Yi-Fu Tuan's Humanistic Geography // Human Geography. 2014. Vol. 29 (4). P. 10; Tuan Y.-F. Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature // The Canadian Geographer. 1971. Vol. 15. P. 191.*

⁵ *Adams P.C. Tuanian Geography... P. 277; hang Xiao-ming. Tuan Yi-Fu's Early Inquiries of Environmental Experience and His Phenomenological Attitude // Human Geography. 2016. Vol. 31 (3). P. 43–44.*

⁶ *Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F. Tuan, Y.-F. 1974: Topophilia... P. 357.*

⁷ *Trimmer J.F. Yi-Fu Tuan: Composing of Worlds // Journal of Teaching Writing. 1983. Vol. 2 (2). P. 182–183.*

его подхода к вопросу о культуре несомненно лежат экзистенциалистские и феноменологические идеи, такие как внимание к телесному субъекту, поиск универсальных основ человеческого опыта и восприятия, протест против редукции человеческого опыта до измеримых научными способами показателей и против подмены опыта репрезентациями. Как географа его интересовали более глубокие уровни человеческой природы, нежели те, что могли быть раскрыты наукой или самоанализом¹. Культура неизбежна, полагал он, однако его больше интересовали преломляющиеся культурой общие человеческие предрасположенности, способности и потребности².

Туан не раз говорил, что к поискам общечеловеческих универсалий его побуждали воспоминания о военном детстве. Балийским петухам Гирца, «разгадка» которых стала триумфом интерпретативной антропологии, можно противопоставить китайских петухов, которых Туан видел в детстве, когда после эвакуации из Нанкина оказался жителем окраины Чуньцина. По пути в школу мальчик периодически становился свидетелем крестьянских похорон. Петух сопровождал усопшего и должен был кукарекать, если бы труп пошевелился. Мрачность процессии, которой ребенок боялся и ненавидел, стала ассоциироваться у него с традиционной культурой, пропитанной суевериями и страхом. По сравнению с этим, вспоминал Туан, школа, в которой учили «общечеловеческим» вещам, была освобождением. Поиск объединяющих человечество универсалий, которым проникнута «Топофилия», — интеллектуальный протест против восприятия мира в качестве разделенных разными историями культурных миров³.

Несмотря на имплицитные симпатии, выражаемые экзистенциализму, и явную феноменологическую установку, стоящую

¹ *Tuan Y.-F. Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature...* P. 181; *Tuan Y.-F. Structuralism, Existentialism, and Environmental Perception // Environment and Behavior.* 1972. Vol. 4. P. 320–321.

² *Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspectives of Experience.* Minneapolis, London: University of Minnesota Press, Edward Arnold's, 1977. P. 5.

³ *Tuan Y.-F. Cosmos and Hearth...* P. 9.

за его трактовкой культуры, наиболее заметным методологическим влиянием на текст «Топофилии» тем не менее стал структурализм — еще одно важное течение социальной теории, процветавшее во времена молодости Туана. Третья глава «Топофилии», посвященная свойству человеческого мышления упорядочивать мир посредством структур восприятия, восходит к текстам статей 1971 и 1972 годов¹. Туан возвращается к вопросу об универсалиях и утверждает, что заданные природой структуры восприятия ограничивают разнообразие культурных вариаций². Любимый метод Туана как эссеиста — работа с оппозициями, постоянные противопоставления примеров, тезис — антитезис, которые должны сниматься происходящим в восприятии читателя синтезом, тоже можно связать с влиянием структуралистских текстов. Пример такой работы — статья 1967 года «Отношение к среде: темы и подходы», посвященная тому, как соотносятся в западном воображении пустыня и тропический остров, ставшая впоследствии разделами 8-й и 9-й глав «Топофилии»³.

* * *

Впервые артикулированные в шестидесятые взгляды — гуманитарная ученость, избегавшая вопросов власти и борьбы за права, тихая критика энвайронментализма, поиск общечеловеческих универсалий вместо интереса к разнообразию культур — оставляли Туана в стороне от бурного мейнстрима интеллектуальных семидесятых. Сам он впоследствии объяснял это тем, что был сформирован более ранними интеллектуальными веяниями — вместо вопросов социального освобождения, защиты животных и гендерного равенства люди послевоенного поколения интересовались

¹ Tuan Y.-F. *Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature...*; Tuan Y.-F. *Structuralism, Existentialism, and Environmental Perception...*

² Ibid. P. 325.

³ Tuan Y.-F. *Attitudes toward Environment: Themes and Approaches* // *Environmental Perception and Behavior* / Ed. by D. Lowenthal. Chicago: University of Chicago, 1967. P. 4–17.

фундаментальными вопросами происхождения зла и абсурдности жизни¹. Вторя экзистенциалистам, прочитанным в юности, он заявлял о том, что пессимистично настроен по отношению к социальной справедливости, потому что мир несправедлив в самой своей основе и никакая справедливость не способна компенсировать подлость природы². При этом он парадоксально заключал, что ему также претит суровость критической теории, концентрирующейся исключительно на темных сторонах человеческого бытия³. Опорой в этом оптимизме ему служили те же экзистенциалисты, учившие жить вопреки абсурду⁴.

Из Миннесоты в Висконсин: «отдельный дом в географии». С 1968 года Туан работал в Миннеаполисе, в Университете Миннесоты. Мы ничего не знаем о том, как делалась рукопись «Топофилии», однако когда книжка была опубликована, то стала событием. «Топофилия» получила не менее 16 рецензий в академических журналах, причем семь из этих журналов не были географическими⁵. Это были в массе своей благоприятные, хотя и «не без некоторой неуверенности», отзывы⁶. В 1986 году, по результатам одного из американских исследований, «Топофилия» была единственной из книг по общественной географии признана «классической цитируемой работой» (citation classic)⁷. В 1995 году Дин Синклер опубликовал исследование истории цитирования книжки в журналах, индексируемых Институтом научной информации (Institute for Scientific Information), предтечей нынешней Web of

¹ Tuan Y.-F. *Cosmos and Hearth...* P. 11; Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F. Tuan, Y.-F. 1974: *Topophilia...* P. 358.

² Tuan Y.-F. *Who Am I?*... P. 66.

³ Ibid. P. 115–116.

⁴ Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F. Tuan, Y.-F. 1974: *Topophilia...* P. 359.

⁵ Meindl C. F. A half century of Topophilia // *The Florida Geographer*. 2024. Vol. 55. P. 95.

⁶ Sinclair D. Tuan's Topophilia: The Making of a Citation Classic // *Geographical Bulletin*. 1995. Vol. 37 (2). P. 69–70.

⁷ Ibid. P. 70.

Science¹. Выходило, что в 1974–1992 годах «Топофилия» цитировалась 242 раза; поначалу Туана чаще цитировали географы, однако к концу этого периода популярность книги преодолела дисциплинарные границы.

Сам Туан несколько раз писал о неожиданных симптомах популярности его сочинения. «Топофилию» полюбили представители контркультуры — члены экологических движений и поздние хиппи, он обнаруживал ее в книжных магазинах на полке «Астрология и оккультизм»² и благодаря ей однажды даже был упомянут на первой полосе спортивного отдела лондонской газеты *Sunday Times*. Репортер спросил какого-то выдающегося игрока в крикет, почему он выбрал изучать в Кембридже географию, и тот ответил, что случайно наткнулся на написанную китайским географом книжку «Топофилия»³. К началу XXI века популяризированная Туаном топофилия стала широко употребляемым термином и «зажила своей жизнью»⁴. Темой единственной в его жизни китайской конференции, которую Туан как почетный гость посетил в 2005 году, были «Топофилия и топофобия»⁵. В 1980 году «Топофилия» была переведена на португальский язык, в 1992-м — на японский, в 2011-м — на корейский, а в 2018-м — на китайский.

Что касается критических замечаний, то в поздних отзывах, посвященных классическому статусу книги, мы можем видеть многое из того, что уже упоминалось выше: «Топофилию» можно упрекать в подмене методологии эссеистикой⁶, избегании интеллектуальных веяний, характерных для 1970-х, изолированности от контекста⁷, в частности в игнорировании «вездесущей

¹ *Sinclair D.* Tuan's Topophilia. P. 70.

² *Tuan Y.-F.* A Life of Learning... P. 7.

³ *Tuan Y.-F.* Who Am I?... P. 30.

⁴ *Relph E.* Topophilia and Topophils...

⁵ *Tuan Y.-F.* Coming Home to China... P. 21.

⁶ *Liu Su.* A Study of the Idealism in Yi-Fu Tuan's Topophilia // *Human Geography*. 2017. Vol. 32 (3). P. 45.

⁷ *Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F.* Tuan, Y.-F. 1974: Topophilia... P. 355, 356.

геометрии власти»¹, декларативности и эссенциализме содержащихся в ней утверждений². Пожалуй, самым существенным, учитывая заявленную в заглавии тему книги, является замечание Эдварда Релфа, коллеги Туана по Университету Торонто и автора знаменитой книги «Место и безместность» (1976)³. В книге, посвященной любви к месту, практически не говорится, что такое место. Книга Туана больше о *филии*, чем о *топо*, писал Релф, больше о восприятии окружающей среды, чем о характеристиках мест, которые способствуют этому восприятию⁴. Безусловно, это было так — но Туан исправил это упущение в своей следующей книге «Пространство и место с точки зрения опыта»⁵. Эта книга стала ответом на «пространственность», присущую шестидесятым⁶, и, хотя в ней утверждалось, что здоровому человеку нужны и место, и пространство⁷, а сам Туан всегда предпочитал выбирать из этих двух модусов человеческого бытия именно пространство⁸, она, конечно, была воспринята прежде всего как гуманистическая разработка понятия места как опытно проживаемого фрагмента пространства, наделенного человеческим смыслом и эмоциями.

«Топофилия» была рубежной книгой. Через пару лет после публикации «Топофилии» Туан встретил своего старого учителя Джона Кессели. Тот страдал эмфиземой, кашлял. Оба понимали, что это их последняя встреча. На прощание учитель захотел сказать ученику что-то приятное, хотя не одобрял его превращения из приличного геоморфолога в экстравагантного «философского»

¹ Bosman M. Thinking Beyond Topophilia // The Florida Geographer. 2024. Vol. 55. P. 114–118.

² McCreary T., Connaughton J. Affective Bonds: Topophilia and Tuan's Enduring Legacy // The Florida Geographer. 2024. Vol. 55. P. 100–102.

³ Relph E. Place and Placelessness. London: Pion Limited, 1976.

⁴ Relph E. Topophilia and Topophils...

⁵ Tuan Y.-F. Space and Place...

⁶ Lu Xiao-Xuan. On formation of Yi-Fu Tuan's Thoughts on Humanistic Geography // Human Geography. 2014. Vol. 29 (4). P. 14.

⁷ Tuan Y.-F. Space and Place... P. 54.

⁸ Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 106.

географа (high-flying «philosophical» geographer). Выходя, Кессели сказал Туану: «Что касается вашей последней работы, ну, если вам это сойдет с рук, то, пожалуй, всё в порядке»¹. Время показало, что сошло. После выхода «Топофилии» началось то, что сам Туан назвал «строительством отдельного дома в географии». Используя архитектурную метафору, он сравнивал формативный период ученого с жизнью в студенческом общежитии. В этот период, живя в скудно обставленных комнатах, аспиранты делят между собой общий интеллектуальный багаж — Маркса, Грамши, Фуко или экзистенциалистов. Со временем приходит пора переезжать в съемные квартиры, расположенные в одном и том же соседском районе, а затем, когда они становятся профессорами, — в дома, построенные по собственному проекту. Ситуация, сложно представляемая для отечественного читателя из академической среды, но, однако же, вполне американская; похожий пример упоминается и в 14-й главе «Топофилии»². После «Топофилии» Туан начал строить географию «по собственному проекту». Благодаря настойчивости и таланту автора этот проект изменил науку³.

Двадцать книг Туана, выпущенных после «Топофилии» — каждые два с половиной года он издавал книжку! — слишком продолжительный список, чтобы комментировать его полностью, однако поделюсь собственными фаворитами. Помимо «Топофилии» и уже упомянутого «Пространства и места с точки зрения опыта»⁴ должны быть упомянуты «Сегментированный мир и „Я“», представляющая собой историю выделения частного пространства из архаичной коллективной жизни⁵, «Доминирование и привязанность», посвященная формам приспособления природы под человеческие нужды⁶, «Дорогой коллега» — занимательные

¹ Tuan Y.-F. Dear Colleague... P. 108.

² Tuan Y.-F. Who Am I?... P. 100.

³ Cresswell T. Steering His Own Ship... P. 790.

⁴ Tuan Y.-F. Space and Place...

⁵ Tuan Y.-F. Segmented Worlds and Self: Group Life and Individual Consciousness. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.

⁶ Tuan Y.-F. Dominance and Affection...

«записи и выписки», выросшие из многолетней коммуникации с коллегами и студентами¹, и, конечно, пронзительная и уже многократно здесь цитировавшаяся автобиография ученого, составленная в момент выхода на пенсию и представлявшая собой что-то вроде прощального письма². Эти и другие темы, о которых писал Туан, такие как эскапизм, страшное, мораль и воображение, эстетика, хорошая жизнь, не очень хорошо совпадали со стереотипным представлением о географии. Он не раз писал, что за «дом по собственному проекту» и за страсть к ответам на метафизические вопросы юности ему пришлось заплатить профессиональной изоляцией³. Трудно подозревать в профессиональном непризнании географа, который на склоне лет получил за вклад в географию «географическую Нобелевскую премию», премию Вотрена Люда (2012), но, однако, мы имеем дело с ученым, чьими рабочими инструментами всегда были интроспекция и сильнейшее внимание к эмоциям. Несмотря на предоставленную ему профессиональную свободу, он никогда не чувствовал себя вполне уверенно, — тот, кто прокладывает новые дороги, должен опасаться неудачи⁴.

«Если вы пишете обо всем этом, то почему вы географ?» — не раз спрашивали его читатели, представляющие себе географа кем-то вроде Роберта Скотта или Индианы Джонса. У него было три варианта ответа. Для большинства вопрошавших было достаточно первого — «потому что я в детстве много ездил». Второй был чуть менее легкомысленным — «чтобы не заблудиться». Самым серьезным был третий: «География — это наука о смысле жизни»⁵. Готовясь к созданию «Топофилии», Туан пояснял этот тезис так: география раскрывает сущностные основания человеческой природы, те самые универсалии⁶. Позже он говорил

¹ *Tuan Y.-F. Dear Colleague...*

² *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 69–70.

³ *Ibid.* P. 99–100; *Tuan Y.-F. A Life of Learning...* P. 15–16.

⁴ *Tuan Y.-F. Coming Home to China...* P. 40–41.

⁵ *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 93–94.

⁶ *Tuan Y.-F. Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature...* P. 181.

о множестве морально-этических вопросов, которые поднимает постоянная деятельность человека по изменению среды обитания в соответствии со своими представлениями¹. В конце жизни, в последнем своем опубликованном тексте, сказал, что обогатил отношение географии к человеку. В годы его студенческой молодости человек с точки зрения этой науки был чем-то вроде безличной физической силы, меняющей облик земли. Его учитель Зауэр заявил о том, что важную роль в этом процессе играла человеческая культура, а сам он, вместе со своими коллегами, обратил внимание географов на психологию, эстетику и мораль. «Загадка заключается в том, — писал он, — как можно было так долго игнорировать столь важные вещи в нас, людях?»²

Могла ли эклектическая программа «гуманистической географии» породить школу и учеников? В 1970-х — начале 1980-х годов вокруг Туана сформировался круг «гуманистических» географов, таких как Энн Баттимер, Дэвид Лей, Кеннет Олвиг, Эдвард Релф, Дэвид Симон, Роберт Сэк и Николас Энтрикин, опубликовавших ряд близких по тематике книг и сборников³. Однако назвать это сообщество «школой» в смысле развития определенных тем и методов скорее нельзя⁴. После переезда в 1983 году из Миннесоты в Висконсин Туан как великолепный наставник повлиял на развитие индивидуальных путей второго поколения своих учеников, в том числе таких, как Пол Адамс, Тим Крессвелл и Карен Тилл. Некоторые из них с теплотой вспоминали

¹ *Tuan Y.-F. Morality and Imagination...* P. vii-viii.

² *Cresswell T. Steering His Own Ship...* P. 796.

³ *The human experience of place and space* / Ed. by A. Buttimer, D. Seamon. London: Croom Helm, 1980; *Entrickin N.J. The Betweenness of Place: Towards a Geography of Modernity*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991; *Humanistic Geography: Prospects and Problems* / Ed. by D. Ley, M. Samuels. London: Croom Helm, 1978; *Relph E. Place and Placelessness...*; *Sack R.D. Conceptions of Space in Social Thought: A Geographic Perspective*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980; *Seamon D. A Geography of the Lifeworld: Movement, Rest and Encounter*. London: Croom Helm, 1979.

⁴ *Adams P.C. Tuanian Geography...* P. 276; *Pocock D., Relph E., Tuan Y.-F. Tuan, Y.-F. 1974: Topophilia...* P. 357.

о встречах и беседах с профессором в кафе Sunprint на Стейт-стрит в Мэдисоне¹.

Среди коллег и студентов, с которыми Туан работал в мэдисонский период, были и русские. В «Дорогом коллеге» он с теплотой вспоминает о работе с Валентином Богоровым, Дмитрием Сидоровым, Денисом Визгаловым и Леонидом Серебряным². Туан любил и знал русскую культуру. Отец Туана уважал советских коллег за характерную для них риторику социальной справедливости и пытался научить своих детей русскому языку, требуя говорить ему *do svidaniya* каждое утро, когда уходил на работу³. Туан неоднократно цитировал любимого с юности Достоевского, Толстого, Кропоткина, Чехова, Горького и Набокова. При этом Туан считал русских европейцами, частью Запада, хотя бы из-за нашего пристрастия к индивидуализму — в записи из «Дорогого коллеги» следовали подтверждавшие этот факт примеры Бердяева, Пастернака, Бродского и Анатолия Собчака⁴.

Я очень рад представить читателю первый перевод книги И-Фу Туана на русский язык.

Федор Корандей

14 ноября 2025

Тюмень

¹ *Schlemper M.B. et al. Yi-Fu Tuan Legacy...* P. 303; *Cresswell T. Steering His Own Ship...* P. 790.

² *Tuan Y.-F. Dear Colleague...* P. 185–186.

³ *Tuan Y.-F. Who Am I?...* P. 25.

⁴ *Tuan Y.-F. Dear Colleague...* P. 37.

Всякая наука должна быть ученой, но не всякая ученость может быть строго научной... Неизведанные земли, расположенные на периферии (географии.—*Примеч. ред.*),—это плодородные почвы, которые должны быть возделаны при помощи духа и методов гуманитарных наук.

Джон Киртланд Райт¹

Мировую географию делают чем-то единым лишь человеческие логика и оптика, рукотворные свет и цвет, искусная систематизация и представления о добре, истине и красоте.

Дэвид Лоуэнталь²

¹ Цитата из обращения президента Ассоциации американских географов Джона Киртланда Райта (John Kirtland Wright, 1891–1969), сделанного 30 декабря 1946 года в Коламбусе. См.: *Wright J. K. Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1947. Vol. 37 (1). P. 15.* Райт утверждал в этом месте, что география—не только естественная (science), но и гуманитарная (art) наука, и играл с оттенками слов science, означающего точную или естественную науку, и scholarship, означающего гуманитарное знание.—*Примеч. ред.*

² Из доклада, сделанного американским историком и географом Дэвидом Лоуэнталем (David Lowenthal, 1923–2018) на XIX Международном географическом конгрессе в Стокгольме в августе 1960 года. Контекст цитаты—тезис о том, что географическая картина мира сформирована множеством людей. См.: *Lowenthal D. Geography, Experience, and Imagination: towards a Geographical Epistemology // Annals of the Association of American Geographers. 1961. Vol. 51 (3). P. 260.—Примеч. ред.*

Гуманитарий, количественник, кто угодно — всегда важно придерживаться своей линии, однако никогда не стоит списывать со счетов других.

О. Х. К. Снейт¹

Из «Записок о Галльской войне», прочитанных в старших классах, мне запомнилось: Цезарь всегда был *in medias res*. Я не перечитывал, чтобы выяснить, правильно ли я запомнил, однако, как и Цезарь, мы устремляемся в гущу событий.

Кларенс Дж. Глэкен²

¹ В начале 1960-х годов английский географ Оскар Снейт (Oskar Hermann Khristian Spate, 1911–2000) провозглашал необходимость взаимной терпимости двух обозначившихся в американской географии фракций — ученых, предлагавших использовать количественные методы, и тех, кто по старинке предпочитал видеть географию идеографической наукой, родственницей гуманитарных наук. См.: Spate O. H. K. Quantity and Quality in Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1960. Vol. 50 (4). P. 377–394. — *Примеч. ред.*

² Цитата неясного происхождения из Кларенса Глэкена (Clarence James Glacken, 1909–1989), американского географа, работавшего в Беркли, когда Туан был там аспирантом. Глэкен более всего известен монографией «Следы на Родосском берегу» (*Traces on the Rhodian Shore*, 1967), посвященной истории развития ключевых идей об окружающей среде в европейской мысли. *In medias res* (лат.) — «в гуще событий», крылатое выражение. См. *Гораций*. Искусство поэзии, 148–149: *et in medias res... auditorem rapit* («увлекает слушателя в гущу событий»). — *Примеч. ред.*

Благодарности

Признаться в том, что ты кому-то обязан в интеллектуальном смысле — огромная радость, однако осуществить это на практике — непосильная задача. Интеллектуальные долги бесконечны и неисчислимы. Это особенно верно в моем случае, ведь я достаточно опрометчиво решил написать книгу, которая притязает свести воедино широкий круг разнообразных тем. И все-таки хочу выразить искреннюю благодарность четырем благопритествовавшим мне факторам, без которых «Топофилия» осталась бы моей личной фантазией. Во-первых, атмосфере свободного, но интенсивного научного поиска, которая царила в Беркли в 1951–1956 годах, когда я был там аспирантом. Во-вторых, примеру и поддержке Джона Бринкерхоффа Джексона¹. В-третьих, красоте Нью-Мексико. В-четвертых, либеральной структуре географического факультета Университета Миннесоты, побуждающей преподавателей открыто признаваться в своих реальных интересах вместо того, чтобы оставаться консультантами, которые владеют лишь общеизвестной научной информацией.

Я хотел бы выразить благодарность Фонду Джона Саймона Гугенхайма за стипендию, позволившую мне поразмышлять об отношении к окружающей среде в австралийской пустыне.

Выражаю благодарность следующим авторам и издателям за возможность процитировать или перефразировать следующие материалы, защищенные авторским правом: Роберту Пэйну за книгу «Белый пони: антология китайской поэзии» (The White Pony: An Anthology of Chinese Poetry; The John Day Company, 1947); Колину Тернбуллу и издательству Simon & Shuster за книгу «Лесные люди»

¹ Джон Бринкерхофф Джексон (John Brinckerhoff Jackson, 1909–1996), исследователь американского культурного ландшафта, эссеист, преподаватель, основатель и редактор влиятельнейшего журнала «Ландшафт» (Landscape, 1951–1999), о 11 томе которого, выпущенном осенью 1961 года, И-Фу Туан впервые написал о топофилии. Большая часть жизни Джексона связана со штатом Нью-Мексико, где во времена своей молодости жил и работал И-Фу Туан. — *Примеч. ред.*

(The Forest People, 1961); Теодору Стрелоу за книгу «Традиции аранда» (Aranda Tradition; Melbourne University Press, 1947); Ассоциации американских географов за книгу «Человек и природа» (Man and Nature; Resource Paper, № 10, 1971); Джорджу Стайнеру и издательству Random House за книгу «Толстой и Достоевский: противостояние» (Tolstoy or Dostoevsky, 1959)¹; издательству Harcourt Brace Jovanovich за книгу Вирджинии Вульф «На маяк» (To the Lighthouse, 1927)²; издательству The Viking Press за книгу Фрэнка Конроя «Стоп-тайм» (Stop-time, 1967); издательству Doubleday & Company за книгу Томаса Эдварда Лоуренса «Семь столпов мудрости» (Seven Pillars of Wisdom, 1936)³; издательству Random House за книгу Герберта Ганса «Левиттауновцы» (The Levittowners, 1967); издательству University of Pennsylvania Press за книгу Альфреда Ирвинга Хэллоуэлла «Культура и опыт» (Culture and Experience, 1955); издательству The Macmillan Company за книгу Клода Брауна «Ребенок-мужчина в Земле обетованной» (Manchild in the Promised Land, 1965); издательству Yale University Press⁴ за книгу Жерома Каркопино «Повседневная жизнь древнего Рима» (Life in Ancient Rome, 1940)⁵; Уильяму Стрингфеллоу и издательству Holt, Rinehart and Winston за книгу «Мой народ—это враг» (My People is the Enemy, 1964), издательству Harper & Row, за книгу Кеннета Кларка «Темное гетто» (Dark Ghetto, 1965) Кеннета Кларка; издательству Prentice Hall за книгу Уильяма М. Добринера «Класс в субурбии» (Class in Suburbia, 1963); Кевину Линчу и издательству MIT Press за книгу «Образ города» (The Image of the City, 1960)⁶.

¹ Русский перевод: *Стайнер Д.* Толстой и Достоевский: противостояние / Пер. с англ. Е. М. Эфрос, Г. Л. Григорьева. М.: АСТ, 2019.

² Русский перевод: *Вульф В.* На маяк / Пер. с англ. Е. Суриц. М.: АСТ; Neoclassic, 2024.

³ Русский перевод: *Лоуренс Т. Э.* Семь столпов мудрости. М.: Эксмо, Родина, 2022.

⁴ Йельский университет—организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

⁵ Русский перевод: *Каркопино Ж.* Повседневная жизнь Древнего Рима / Пер. с англ. И. И. Маханькова. М.: Молодая гвардия, 2008.

⁶ Русский перевод: *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.

Предисловие к переизданию

В 1952 году, около трех часов ночи, я в компании пары моих новых друзей достиг национального памятника «Долина Смерти»¹. Нас, китайских аспирантов Калифорнийского университета в Беркли и новичков в походной жизни, буквально истерзали долгая дорога и попытки установить в темноте под сильным ветром палатку. В итоге мы просто заснули в спальных мешках под открытым небом... Когда я проснулся, солнце поднялось уже достаточно высоко и осветило горную гряду за долиной. Моим глазам предстал вид, абсолютно чуждый моему тогдашнему опыту. Это была настолько неземная красота, что я почувствовал себя очутившимся в каком-то божественном царстве и, парадоксально, одновременно дома, куда я как будто бы вернулся после долгого отсутствия.

Пустыня, включая ее бесплодные участки, и, я бы даже сказал, особенно они, волнует меня. Я вижу в ней чистоту, вневременность, благородство ума и духа. Череп, выбеленный солнцем пустыни и лишенный запаха тления, предполагает нечто чистое и благородное, то, что способно рассыпаться в прах, избежав унизительного разложения. Мне доводилось жить и в окрестностях влажных тропических лесов, на Филиппинах и в Панаме. И хотя в таких лесах жизнь проявляется во всем ее разнообразии и роскоши, я видел и чувствовал там лишь смерть и полный распад. Тропический лес определенно не моя экологическая ниша.

Хотя существуют сильные предубеждения, я не уникален. Конечно, народы пустыни — и кочевники, и живущие в оазисах оседлые земледельцы — любят родину. Все люди привязываются к родным местам, даже если те кажутся безотрадными посторонним.

¹ Национальный памятник (national monument) — в США охраняемая территория природного или исторического значения, утверждаемая указом президента, в данном случае Герберта Гувера (1933 г.). В 1994 г. «Долина Смерти» в соответствии с решением Конгресса сменила статус, став национальным парком. — *Примеч. ред.*

Пустыни, несмотря на свою бесплодность, имеют своих горячих иноплеменных поклонников. Например, пустыню очень любили англичане. В XVIII и XIX столетиях они пускались в бесстрашные путешествия по Северной Африке и Ближнему Востоку, составляя отчеты, исполненные энтузиазма и литературного вкуса, и сообщившие пустыням очарование, которое, как свидетельствует неустанный интерес к похождениям Т. Э. Лоуренса, сохраняется и до наших дней. Почему пустыня увлекает англичан? Ответить однозначно очень сложно, но я хотел бы указать на психогеографический фактор — привлекательность противоположного. Туманы и повсеместная зелень Англии, похоже, пробудили в отдельных ее обитателях стремление обрести противоположные им вещи в климате и ландшафте пустыни.

Я географ, поэтому меня всегда интересовало, как живут люди в разных уголках мира. И все-таки, в отличие от многих сверстников, ключевыми словами для меня являются не только «выживание» и «адаптация», предполагающие довольно мрачное и пуританское отношение к миру. Я также уверен, что люди по всему миру стремятся к удовлетворенности и счастью. Окружающая среда является для них не только ресурсами, которые надо использовать, или природными силами, к которым приходится адаптироваться, она также — источник удовлетворенности и удовольствия, объект глубокой привязанности и любви. Одним словом, другое, принципиально важное для меня понятие, о котором молчат многие очерки природопользования, — *топофилия*.

Книга впервые была опубликована в 1974 году и получила неожиданный успех, имела множество положительных отзывов и хорошо продавалась. Во времена, когда в списке бестселлеров находился «Всемирный каталог»¹, успех, пусть и умеренный,

¹ Whole Earth Catalog — американский контркультурный проект, представлявший собой синтез журнала и каталога товаров. Идея журнала заключалась в том, чтобы предоставить читателю, заинтересованному в экологическом образе жизни, саморазвитии, самообеспечении и альтернативном образовании, набор «инструментов», необходимых для реализации этих целей. Выпускался в 1968–1971 годах. — *Примеч. ред.*

«Топофилии» был обеспечен. В шестидесятых и в начале семидесятых американцы стали по-новому относиться к окружающей среде. Но что они чаще всего видели в американском ландшафте? Не красоту, а богатство, не глубокое внимание к человеческим привязанностям и любви к месту, а девелопмент и сияющие небоскребы. Фактически слова «привязанность» и «любовь» исключены из дискурса социальной науки и звучат больше как поэзия, чем как основа для серьезных дискуссий на политических и планировочных совещаниях, где принимаются важные бюджетные решения. Мы, те, кто уверен в необходимости сохранения не только дикой природы, но и, скажем, старых районов, которым угрожает бульдозер, не имеем языка, способного убедить в этом людей и их политических представителей. «Топофилия», как бы мне этого ни хотелось, таким языком не является. Однако в этой книге, возможно, впервые представлены общие принципы обсуждения методов, посредством которых люди могут развивать свою любовь к месту.

В восьмидесятых годах как американцы с европейцами, так и люди по всему миру начали проявлять вдумчивую, серьезную заботу об окружающей среде. Они повсюду видят угрозу для Земли. Стало понятно, что даже Антарктида весьма загрязнена мусором, оставленным человеком. В настоящее время экологическое движение стало политическим движением международного масштаба, а также непосредственной частью нашей культуры, предметом повседневных пересудов. К сожалению, горы научных работ и выступлений посвящены почти исключительно негативу. Я говорю «к сожалению», поскольку загрязненное состояние Земли трагично для нас, людей, в основном потому, что мы понимаем, какой могла быть Земля в идеале. Я говорю «к сожалению», потому что мы, охваченные нашей страстью к сохранению природы, склонны становиться мизантропами, смотреть на технический прогресс и крупномасштабные проекты, особенно города, предубежденным взглядом.

Позвольте привести два примера, раскрывающих как свойственную для нас всех тенденцию к мизантропии, так и мою

личную склонность добрее относиться к роду человеческому. Многие культурные европейцы и американцы особенно любят английский сельский пейзаж XVIII века. Британский литератор и археолог Жакетта Хоукс считает середину XVIII века временем, когда «человек и земля» достигли наивысшей точки близости, — драгоценным моментом гармонии, которая, к сожалению, была нарушена промышленной революцией, склонившей чашу весов в пользу человека. Другой английский автор Джон Уэйн в биографии Сэмюэла Джонсона¹ восхваляет прелести сельского пейзажа Англии времен жизни его героя, по сравнению с которыми современный ландшафт просто омерзителен. И все же Уэйн вынужден признать: неотъемлемой частью этого исчезнувшего прекрасного мира было нечто неприятное, а именно большое число больных и изуродованных людей и животных. Красота и страдание прекрасно сочетаются. Охваченные ностальгией по былым временам, мы склонны забывать о ранней смерти, болезнях и уродствах, которые тоже были частью этого Эдема, ужасах, которые устранили или значительно облегчили достижения современной гигиены и медицины.

Второй пример более личный. Я сидел в самолете на высоте 30 000 футов (9,1 км) над континентом, когда на моем откидном столике появился горячий обед. Не без труда управляясь с едой, я периодически выглядывал в окно, любуясь первозданной красотой пейзажа, состоящего из ослепительного солнца, лазурного неба и ковра из пышных облаков. «Надо же, — подумал я, — каков контраст между великолепием природы и человеческим миром — резиновым цыпленком, еле теплым кофе, сунутым в кармашек кресла журналом, полным скучных текстов и глянцевых картинок, и локтем соседа!» И вдруг мне все представилось в ином свете. С мучительной остротой я осознал, что меня отделяет от мгновенной смерти лишь тонкий кусок стекла. Да, я могу восхищаться природой, но лишь в безопасном мире, созданном

¹ Сэмюэл Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) — английский критик, поэт и лексикограф. — *Примеч. ред.*

человеком. Атмосфера на высоте 30 000 футов — не моя родная стихия. Основа моей жизни — не этот разреженный студеный воздух, столь чуждый земной жизни, а... Да-да, плохо приготовленный цыпленок. В такие мгновения еда в тарелочке из фольги, разогретая в микроволновке, журнал и локоть моего соседа приобретают гораздо более дружелюбный вид. Я учусь ценить моих собратьев-людей и их отважные, хотя не всегда успешные попытки создать для себя уютный дом.

Растущая волна экологического движения вселяет надежду. Оказывается, иногда мы осознаем свои глупость и жадность, оказывается, иногда мы способны действовать. Однако это замечательное и деятельное движение не способно видеть некоторых вещей. Прежде всего я имею в виду его неготовность признать экологическую красоту и богатство, которые присущи мирам, густо населенным человеком. Ландшафты многих уголков Земли, в первую очередь Западной Европы, побережий Средиземного моря, Восточной и Юго-Восточной Азии, в настоящее время гораздо богаче с экологической точки зрения, чем были в «первозданные» доисторические времена. Присутствие человека, вопреки утверждениям наиболее истеричных представителей экологической литературы, не всегда и не везде приводило к истощению земли! Что же касается красоты, было бы злонамеренным не повторить слова архитектурного критика Ады Луизы Хакстебл, сказанные, когда она увидела при лунном свете барочную церковь на площади в Риме:

В то время я и понятия не имела, что города могли быть так потрясающе красивы, что камень может иметь столько чувства, что архитекторы имеют дело с настолько возвышенными подмостками для человеческой драмы, что пространство может вызывать столь незабываемые эмоции, что архитектура может делать человека больше, чем сама жизнь.

«Топофилия» была задумана и написана на раннем этапе экологического движения. Осознание насущной необходимости сохранить

природные богатства планеты тогда уравнивались, с одной стороны, желанием постичь природу, развитие и межкультурные различия экологических ценностей и отношений, а с другой стороны — стремлением создать лучшие места, то есть сделать села более богатыми, кварталы — более человечными, а города — более оптимистичными. Возможно, в 1990-е годы нам снова захочется обратиться к обеим сторонам этого вопроса. Если это так, «Топофилия» может сыграть свою роль в обучении нового поколения, а потом, будем надеяться, скоро, ей на смену придет более полная и более качественная книга.

*И-Фу Туан
19 февраля 1990
Мэдисон, Висконсин*